

СЧАСТЬЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН *HAPPINESS AS AN ECONOMIC PHENOMENON*

Этические аспекты экономической теории счастья

О.Н. АНТИПИНА*

*Антипина Ольга Николаевна – доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991 Москва, Ленинские горы, 3-й учебный корпус. E-mail: antipina@econ.msu.ru

Статья, посвященная этическим аспектам экономической теории счастья, исследует субъективную удовлетворенность жизнью как экономический феномен и измеряемую величину. Опираясь на результаты исследований в этой области, автор показывает гедонистический и эвдемонистический смысл, заключенный в концепции субъективного благополучия. Особое внимание уделено влиянию господствующих культурных традиций на этические ценности и представления о счастье. Проанализировано своеобразие индивидуалистской и коллективистской культур с точки зрения достижения счастья через присущие этим культурам этические нормы. Обращение к эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта раскрывает специфику глобального тренда в России начала XXI в.: сдвиг от ценностей выживания к повышающим уровень счастья ценностям самовыражения – доверию, толерантности и индивидуальной свободе.

Ключевые слова: этика, счастье, гедонизм, эвдемонизм, экономика счастья, субъективная удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, «парадокс Истерлина», индивидуалистская культура, коллективистская культура.

DOI: 10.31857/S086904990013360-8

Цитирование: Антипина О.Н. (2021) Этические аспекты экономической теории счастья // Общественные науки и современность. № 1. С. 48–62. DOI: 10.31857/S086904990013360-8

Ethical Aspects of the Economics of Happiness

Olga N. ANTIPINA*

*Olga N. Antipina – Doctor of Science (Economics), professor of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Address: 3rd training building, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: antipina@econ.msu.ru

The article is devoted to the ethical aspects of the economics of happiness. Happiness is considered as an economic phenomenon and a measurable indicator of subjective life satisfaction. On the basis of the economics of happiness ideas, the author shows hedonistic and eudaemonic meanings of the concept

of subjective well-being. Special attention is paid to the influence of cultural traditions on ethical values and beliefs about happiness. The paper discusses ethical norms of individualist and collectivist cultures. The author turns to Ronald Inglehart's evolutionary theory of modernization and shows the Russian specificity of the global shift from values of survival to values of self-expression at the beginning of the 21st century. This shift implies the rising of the level of happiness through values of self-expression such as trust, tolerance and individual freedom.

Keywords: ethics, happiness, hedonism, eudaemonism, economics of happiness, subjective life satisfaction, subjective well-being, «Easterlin paradox» individualist culture, collectivist culture.

DOI: 10.31857/S086904990013360-8

Citation: Antipina O. (2021) Ethical Aspects of the Economics of Happiness. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* no. 1, pp. 48–62. DOI: 10.31857/S086904990013360-8 (In Russ.)

«...счастье есть нечто самое прекрасное и наилучшее,
и оно же – самое приятное»
(Аристотель. «Эвдемова этика»)

Экономическая теория счастья (или экономика счастья) как область научных исследований сформировалась в 1970-х гг. и к началу XXI в. стала научной школой.

В качестве *предмета исследования* экономика счастья рассматривает субъективные представления личности об удовлетворенности жизнью как экономический феномен. Ее *теоретическое единство* образуют базовые концепции поведенческой экономики, опирающиеся на описанные еще А. Смитом психологические мотивы экономического поведения, а также психологизм теории полезности И. Бентама. *Методологическая особенность* экономики счастья – междисциплинарность исследовательского подхода не только в рамках социальных наук, но и, к примеру, с привлечением медицины. Либертарианский патернализм, опирающийся на «мягкое подталкивание» людей «к выбору, который улучшит их жизнь» [Талер, Санстейн 2018, с. 15] и приведет к счастью, определяет практическую программу, которую разделяет большинство исследователей¹. Активную научную деятельность ведут *лидеры* этой школы: основоположник экономики счастья – Р. Истерлин и другие известные ученые (А. Дитон, Э. Динер, Р. Вееenhooven, Р. Инглхарт, Р. Лэйард, Ю-К. Онг, Э. Освальд, Н. Пудхави, Б. Стивенсон, Дж. Уолферс и др.).

В научных исследованиях субъективной удовлетворенности жизнью теоретики экономики счастья качественно и количественно анализируют влияние разнообразных экономических факторов на субъективное благополучие [Антипина 2012], среди которых, в частности:

- наличие или отсутствие работы (или источника дохода);
- размер индивидуального дохода;
- уровень среднедушевого дохода (среди членов профессионального сообщества, социальной группы);
- достижение карьерных целей;
- удовлетворенность профессиональной деятельностью, условиями труда;
- наличие возможностей для полноценного отдыха и качественного проведения досуга;
- доступность и качество медицинских и страховых услуг, а также услуг по обеспечению безопасности и правопорядка;

¹ В июле 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой странам-членам рекомендательно предлагалось оценить счастье своих граждан и использовать этот показатель для руководства своей государственной политикой.

- степень экономического развития страны в целом;
- показатели инфляции и безработицы, циклические колебания деловой активности.

Вместе с тем незаслуженно мало внимания уделено этическим аспектам экономики счастья. Будучи философским знанием о морали, этика оперирует понятием «счастье» как отражающим личную жизненную цель индивида, к которой нужно стремиться, в том числе и в экономической сфере. Следовательно, с моральной стороны счастье как экономический феномен может быть представлено прежде всего через такие понятия, как «богатство», «умеренность», «щедрость», «добродетель», «свобода», «справедливость», «рациональность», «долг», «ответственность», «самореализация», «частный и общий интерес», «трудолюбие», «доверие» и другие категории, описания нравственного опыта. Таким образом, исследование этических аспектов не только усилит теоретическую целостность и междисциплинарность экономики счастья, но и позволит ответить на важный нормативный вопрос: каких ценностей следует придерживаться человеку в экономической сфере своей жизни, чтобы быть счастливым?

Поскольку нравственный опыт человек получает в отношениях с другими людьми в пространстве общественного сознания и культуры, логично также поставить вопрос, какие ценности следует поддерживать в моральном измерении общества, чтобы экономическое развитие приводило к счастью нации? Обобщению этических аспектов экономической теории счастья, а также размышлениям над связанными с ними вопросами и посвящена данная статья.

Гедонизм и эвдемонизм в экономике счастья

Содержательное понимание счастья как субъективного благополучия, обусловленного воздействием экономических факторов, основано на сочетании гедонизма и эвдемонизма. Его дескриптивная и нормативная стороны указывают на приоритетные жизненные цели и предлагают соответствующее обоснование морали.

Гедонизм, трактующий счастье как *результат* человеческих действий, в том числе и экономических, ради достижения удовольствия и избегания страдания, наиболее ярко проявляется в ответе на, пожалуй, самый главный вопрос экономики счастья: «Является ли богатство тем, что приносит счастье?». Утвердительный ответ в 1974 г. дал основоположник экономики счастья – американский экономист Р. Истерлин. Он опирался на результаты социологических опросов за всю послевоенную историю США, проведенных Институтом Гэллага и Национальным центром исследования мнений, и проанализировал результаты аналогичных исследований в странах Азии, Африки и Латинской Америки. На их основе Истерлин сделал убедительный вывод: «По мере перехода от группы с меньшим к группе с большим уровнем дохода пропорция очень счастливых возрастает. Это ясно свидетельствует о том, что доход и счастье связаны положительно» [Easterlin 1974, p. 99].

Тем не менее, исходя из убедительных аргументов Истерлина, следует ли признать верной формулу «стать богатым = стать счастливым»? В столь общем виде эта формула не может быть однозначно верна или неверна. Необходимо уточнить уровень анализа, смысл, вкладываемый в понятия «богатство» и «счастье», и продолжительность рассматриваемого периода. Д. Канеман и А. Дитон, нобелевские лауреаты по экономике 2002 и 2015 гг., соответственно, предложили для отдельных индивидов (на микроуровне) различать «эмоциональное благополучие» как ощущаемое в конкретный момент чувство радости или грусти, хорошего настроения или стресса и «оценку качества жизни». Обследовав более 450 000 жителей США в 2008–2009 гг., они пришли к выводу, что «по мере роста логарифма дохода оценка качества жизни [по шкале от 0 до 10] устойчиво растет» и «эмоциональное благополучие также растет вместе с ростом логарифма дохода, но до того момента,

пока среднегодовой доход не достигнет 75 000 долл.» [Kahneman, Deaton 2010, p. 16489].

Определение конкретной величины дохода как порога «насыщения» счастьем не могло не вызвать дискуссии и желание подтвердить его наличие и размер для отдельных стран и регионов. Так, в частности, по результатам исследований Л. Родионовой, выполненных на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в России для 2000–2012 гг. «...точка “насыщения” соответствует доходу в среднем около 60 тыс. руб., после которой прирост вероятности удовлетворенности жизнью замедляется» [Родионова 2014, с. 392]. Следовательно, наличие конкретного размера дохода², необходимого для достижения счастья, подтверждается. Это означает, что действие норматива «стать богатым» в качестве определяющего состояние «стать счастливым» ограничено некоторым размером дохода. «От достатка и от богатства не следует отказываться, ибо в нужде счастье обрести труднее. Но неразумно уповать на то, что в богатстве или тем более в его количестве – счастье» [Гусейнов, Апресян 2000, с. 237], – так полагают и современные философы, специализирующиеся на этических учениях.

На уровне отдельных стран (на макроуровне) с течением времени взаимосвязь между богатством и счастьем выглядит совершенно иначе. Ее специфика была впервые показана на примере США за период с 1946 г. по начало 1970-х гг. и сенсационно вошла в науку как «парадокс Истерлина», который гласит: рост национального дохода не приводит к устойчивому повышению уровня счастья нации [Easterlin 1974]. В 2013 г. на основе результатов анализа темпов роста реального ВВП на душу населения и удовлетворенности жизнью в 37 странах эта формулировка была уточнена: циклические колебания деловой активности вслед за ростом или падением удельного реального ВВП синхронно повышают или понижают уровень счастья жителей страны, но экономический рост не оказывает на него никакого влияния [Easterlin 2013]. Аналогичный анализ для 43 стран в 2016 г. и 123 стран в 2020 г. подтвердил результат: страны с высокими темпами экономического роста не имеют существенно больших изменений счастья по сравнению со странами с его низкими темпами [Easterlin 2016; Easterlin, O'Connor 2020].

Несмотря на возникший интерес к поиску возможных опровержений, «парадокс Истерлина» не получил весомых возражений, подтвержденных убедительным анализом статистических данных³, однако многочисленные содержательные аргументы упрочивают его позицию.

Во-первых, сам автор парадокса предложил обратить внимание на «гипотезу относительного дохода» Дж. Дьюзенбери. Она состоит в том, что текущие потребительские расходы домашнего хозяйства определяются не только его абсолютным текущим доходом, но и средним доходом того социального слоя, к которому оно принадлежит [Duesenberry 1949]. В свою очередь, полезность от потребления напрямую зависит от текущих расходов индивида и обратно – от текущих потребительских расходов типичного представителя его окружения. Потребитель тем счастливее, чем выше получаемая им полезность относительно ее средней величины в его социальной группе, и тем менее счастлив, чем она ниже. Таким образом, «увеличение дохода отдельного индивида будет повышать его счастье, а повышение дохода каждого оставит счастье неизменным» [Easterlin 1974, p. 112]. Эту закономерность часто называют «эффектом сравнения».

² Величина дохода, обеспечивающего «насыщение», достаточное для субъективного ощущения счастья, может варьироваться год от года в зависимости от уровня инфляции, величины прожиточного минимума, стоимости минимальной потребительской корзины, а также иметь региональные отличия.

³ Попытки опровергнуть «парадокс Истерлина» предпринимали Б. Стивенсон и Дж. Уолферс [Stevenson, Wolfers 2008], Э. Динер [Diener et al. 2013], Р. Вееenhooven и Ф. Вергюст [Veenhoven, Vergunst 2014] и другие исследователи. Однако, как утверждает Истерлин, критики парадокса допускают ряд неточностей: анализируют неверные временные интервалы, смешивают краткосрочный и долгосрочный периоды, используют показатель ВВП на душу населения в текущих (а не постоянных) ценах, применяют несопоставимые данные о субъективном благополучии [Easterlin 2016].

В 2008 г. Ф. Альварес-Куадрадо и Н.В. Лонг выполнили синтез «гипотезы относительного дохода» Дж. Дьюзенбери и «гипотезы перманентного дохода» М. Фридмана⁴ [Friedman 1957], сформулировав «гипотезу относительного дохода как версии перманентного дохода». Согласно этой гипотезе, величина потребительских расходов домашнего хозяйства, принадлежащего определенному поколению, зависит от двух переменных – потенциального дохода этого домохозяйства на протяжении всей жизни и потенциального дохода на протяжении всей жизни принадлежащего тому же поколению среднего представителя его референтной группы [Alvares-Cuadrado, Long 2008]. Это уточнение усилило аргументацию «парадокса Истерлина», осовременив ее в теоретическом плане.

Во-вторых, в пользу уточненной формулировки «парадокса Истерлина» свидетельствует «эффект адаптации»: человеку свойственно привыкать к устойчивым долгосрочным изменениям, но остро реагировать на шоковые краткосрочные события. Благодаря этому эффекту люди не чувствуют себя счастливее на фоне привычных улучшений условий жизни по мере экономического роста, но резко ощущают их снижение в периоды циклических кризисов и подъемов.

В научной литературе представлены различные интерпретации этого эффекта. Одна из ярких метафорических концепций – концепция «гедонистической беговой дорожки» (или «гедонистического приспособления») [Brickman, Campbell 1971]. По мере роста индивидуального дохода возрастают потребности индивида и одновременно появляются возможности для их удовлетворения. Вместе с тем это не означает непрерывного повышения субъективной удовлетворенности жизнью. Процесс напоминает занятия на тренажере: в ответ на движение ленты индивиду необходимо продолжать бег, чтобы оставаться на том же месте.

Идея «гедонистического приспособления» в целом основана на статистически наблюдаемой тенденции довольно быстрой стабилизации уровня счастья индивидов после значимых благоприятных или неблагоприятных событий в их жизни. Так, человек, выигравший крупную сумму в лотерею, и человек, потерявший трудоспособность в результате аварии, спустя некоторое время после положительного и отрицательного шока вернутся к приблизительно прежним уровням счастья.

Тем не менее «адаптация – мощная сила, но она не может полностью и автоматически защитить от любых попыток изменить ощущение благополучия» [Diener et al. 2006, p. 313]. Таковы возражения тех, кто оперирует понятием «гедонистическая отправная точка» в значении некоего уровня «гедонистической нейтральности», свой у каждого человека.

Наиболее существенным аргументом против адаптации Э. Динер, Р. Лукас и К. Сколон считают изменчивость «гедонистических отправных точек» под влиянием тех или иных условий. К примеру, результаты их исследований показали, что после всплеска, вызванного свадьбой, уровень счастья супругов снижается и выравнивается на исходной «гедонистической отправной точке». После потери работы, приводящей к падению уровня счастья, несмотря на «эффект адаптации», прежняя «гедонистическая отправная точка» не восстанавливается. Кроме того, интенсивность реакции на происходящие события индивидуальна и соответствует темпераменту человека [Diener et al. 2006]. Справедливо мнение Инглхarta, что «модель гедонистической адаптации превалирует только тогда, когда остальные факторы остаются неизменными» [Инглхарт 2018, с. 237], например, в период долгосрочной стабильности в экономике.

Известна также идея о совмещении эффектов сравнения и адаптации посредством так называемой «субъективной шкалы благосостояния» – системы критериев оценки материального благополучия, которая формируется в представлениях за счет как внешних (социально-экономических) условий жизни, так и внутренних (психологических) особен-

⁴ Согласно гипотезе М. Фридмана, фактические текущие потребительские расходы индивида зависят от так называемого перманентного дохода, что позволяет сохранять относительно стабильный уровень потребления в течение всей жизни, несмотря на колебания текущего дохода.

ностей индивида. По мнению В. Хащенко, эта шкала включает персональные метрики стандартов благосостояния, а также диапазоны экономического благополучия и не-благополучия [Хащенко 2011]. Более широкая интерпретация этой идеи состоит в том, что субъективное благополучие есть следствие восприятия индивидом окружающих его социально-экономических явлений, которое базируется на разностороннем жизненном опыте и психологических характеристиках личности [Гоффе, Монусова 2020].

В-третьих, повышение чувствительности людей именно к изменению дохода на фоне других жизненных ориентиров в периоды кризисов происходит даже несмотря на глобальный «постматериалистический сдвиг», зафиксированный Инглхартom на протяжении последних сорока лет⁵. Скажем, в долгосрочной перспективе значительная часть населения Земли, которая переходит «от бедности на грани голода к умеренной экономической безопасности» [Инглхарт 2018, с. 57], начинает все сильнее ориентироваться на постматериалистические ценности. Угрожающие экзистенциальной безопасности экономические спады сдвигают ценностные ориентиры к материализму, а значит, повышают влияние дохода на общую оценку субъективного благополучия.

Эвдемонистическая сторона экономики счастья гораздо более многогранна. В ней делается акцент на счастье как *процессе*, который определяют разнообразные мотивы и многообразие потребностей, удовлетворение которых делает человека счастливым (*счастье – процесс*). Согласно Аристотелю, счастье следует признать высшим из благ, осуществляемых в поступках: счастье – это «деятельность совершенной жизни в согласии с совершенной добродетелью» [Аристотель 2005, с. 21, 31]. Иными словами, счастье обретается через добродетельную деятельность, реализуемую через «рассудительные» поступки. Поэтому эвдемонизм экономики счастья, во-первых, не игнорирует моральные ценности: отрицает, к примеру, зависть, жадность, чувство превосходства и пропагандирует умеренность, щедрость, самодостаточность и другие добродетельные человеческие качества. Во-вторых, он не предполагает рассмотрение экономических субъектов как обособленных индивидов, взаимодействующих друг с другом только посредством производства, распределения, обмена и потребления.

«Не отстать от Джонсов»⁶ — это насмешливое идиоматическое выражение употребляется в англоговорящих странах для выражения пренебрежительного отношения к семье, ориентирующейся в своем потребительском поведении на неких условных «Джонсов», вызывая зависть и желание добиться подобного уровня потребления. В экономике счастья это выражение подчеркивает ситуацию, когда текущие потребительские расходы индивида подчиняются стремлению обогнать соседа, а не желанию удовлетворить свои подлинные. С помощью формулы «отвращение–покупка–счастье» А. Ильин описал поведение индивида, испытывающего «отвращение к себе-настоящему», пока не имеющему якобы необходимого продукта, и «симпатию к себе-будущему» как обладателю заветного блага [Ильин 2012, с. 165]. Однако искомое счастье в данном случае может оказаться фиктивным.

Тем не менее А. Юревич вписывает «избыточное потребление» в «одну из общих тенденций исторической эволюции человеческой психики, которую можно назвать гедонизацией поведения: удовлетворение потребностей доставляет человеку удовольствие, и целью поведения становится получение этого удовольствия, а не удовлетворение базовых потребностей» [Юревич 2020, с. 110]. Иными словами, базовой потребностью становится само получение удовольствия, и это явление весьма неоднозначно.

⁵ Как показал Инглхарт, «многочисленные свидетельства, полученные на основе трех разных подходов, а именно: 1) когортного анализа, 2) сравнения богатых и бедных стран, 3) исследования тенденций последних 40 лет – дают основания для вывода, что эти трансформации действительно происходят и что они связаны с процессом межпоколенческих изменений, вызванных повышением уровня экзистенциальной безопасности» [Инглхарт 2018, с. 50].

⁶ «Keeping up with the Joneses» (англ.).

С одной стороны, зависть направляет потребительский выбор по ложному пути, включаясь в «крысиные бега» за потребление. Под влиянием маркетинговых приемов и в условиях доступности кредитов «в один клик» потребители попадают в долговые ловушки, что имеет негативные последствия как для них самих, так и для экономики в целом⁷. С другой стороны, стимулирующее влияние потребительских расходов на экономику невозможно отрицать.

Следовательно, не зависть, а умеренность в удовлетворении своих истинных потребностей – та моральная ценность, которая должна управлять потребительским выбором индивида, желающего быть счастливым. Привычным должно быть «гармоничное избыточное потребление» [Юревич 2020, с. 110], когда после удовлетворения насущных потребностей часть дохода сберегается, часть расходуется на духовное развитие и получение впечатлений, часть – на благотворительность, часть – на избыточные блага.

Счастье работающего индивида существенным образом зависит от удовлетворенности профессиональной деятельностью и условиями труда, от достижения карьерных целей. Однако без следования определенным нормам профессиональной этики эти факторы счастья не будут давать максимальную отдачу. «Так, дело сапожного ремесла и шитья обуви – обувь, а если есть некая добродетель сапожного ремесла и доброкачественного шитья обуви, то их дело – доброкачественная обувь. И в других случаях дело обстоит так же» [Аристотель 2005, с. 29].

Прежде всего, для мотивации профессиональной деятельности требуются самореализация и целеустремленность, а не карьеризм и тщеславие. Отношение к работе должно строиться на трудолюбии, творческом подходе, ответственности, а не их антиподах – лени, формализме, безответственности. Во взаимоотношениях с коллегами следует быть уважительным, доброжелательным, честным, внимательным, надежным, а не грубым, недоброжелательным, лукавым, невнимательным и ненадежным. Очевидно, что принципы профессиональной морали не противоречат общечеловеческим ценностям: «В погоне за наслаждением, покоем, достатком, богатством или славой счастья не найти» [Гусейнов, Апресян 2000, с. 244]. Однако, направляя индивида к субъективной удовлетворенности экономической стороной его жизни, они объективно повышают и его результативность. Эксперименты, которые с использованием случайной выборки на протяжении ряда лет проводили А. Освальд, Е. Прото и Д. Стори, показали, что счастливые люди на 10–12% более производительны, чем несчастливые [Oswald et al. 2015].

В экономических моделях выбор индивида между трудом и досугом (точнее – распределение времени между периодом труда и периодом досуга) рассматривается с точки зрения рациональности. Посвящая время досугу, индивид несет альтернативные издержки в виде недополученного заработка. Однако во время досуга он имеет возможность восстанавливать силы и развиваться как физически, так и интеллектуально, что, в свою очередь, может помочь ему в перспективе и больше зарабатывать. Кроме того, полноценный отдых и качественно проведенный досуг – важные факторы счастья. Бережное отношение к семье, занятия спортом, наличие хобби, посещение театров, музеев, лекториев и т.п., общение с друзьями, вовлеченность в жизнь сообщества, благотворительность, волонтерская активность, – все то, что выполняет в жизни людей рекреационную функцию и способствует самовыражению, должно быть включено в их образ жизни на уровне ценностей, составляющих основу этического отношения к себе и ближним.

Прав Аристотель: «подлинно счастливый человек и жить будет приятнейшим образом, и не напрасно люди это ценят» [Аристотель 2005, с. 309].

⁷ Американский экономист Т. Кресцензи доказал, что спровоцированный потребительскими расходами рост долговых обязательств стал одним из осложнений финансового кризиса 2007–2009 гг.: «Долг был инструментом, с помощью которого домохозяйства пытались купить счастье, но они были обречены на неудачу» [Crescenzi 2012, p. 194].

Межкультурные различия и этические принципы экономики счастья

Межстрановые различия в рейтингах субъективного благополучия, которые составляют авторитетные исследовательские организации, имеют значительные культурные основания [Антипина 2017], существенно определяя господствующие этические принципы.

Один из наиболее известных – «Рейтинг счастья»⁸ – с 2012 г. публикуется в «Докладе о мировом счастье» на основе данных опросов Института Гэллапа. В этом рейтинге в десятку стран-лидеров по среднему значению уровня удовлетворенности качеством жизни за 2017–2019 гг.⁹ входят преимущественно европейские страны (см. рис., а). «Рейтинг счастья» строится только на основании показателя уровня удовлетворенности качеством жизни, но дополнительно исследуется вклад в полученную оценку следующих переменных: 1. ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности); 2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни; 3. Социальная поддержка (ответ на вопрос: «Если бы у вас была проблема, могли бы вы рассчитывать на помощь родственников или друзей в случае необходимости?»); 4. Свобода жизненного выбора (ответ на вопрос: «Вы удовлетворены или не удовлетворены свободой выбора того, что вы делаете со своей жизнью?»); 5. Щедрость (ответ на вопрос: «Тратили ли вы на благотворительность деньги в прошлом месяце?»); 6. Восприятие коррупции (ответ на вопрос: «Распространена ли коррупция в правительстве или нет?»); 7. Позитивные эмоции («Испытывали ли вы позитивные эмоции на протяжении большей части вчерашнего дня?»); 8. Негативные эмоции («Испытывали ли вы вчера беспокойство, печаль, гнев?») [Helliwell et al. 2020, p. 16].

Очевидно, что переменные 2–6 дают представление об этических ценностях, наличие которых в общественном сознании вносит положительный вклад в оценку качества жизни нации: забота, милосердие, свобода (в том числе экономическая), щедрость, неподкупность.

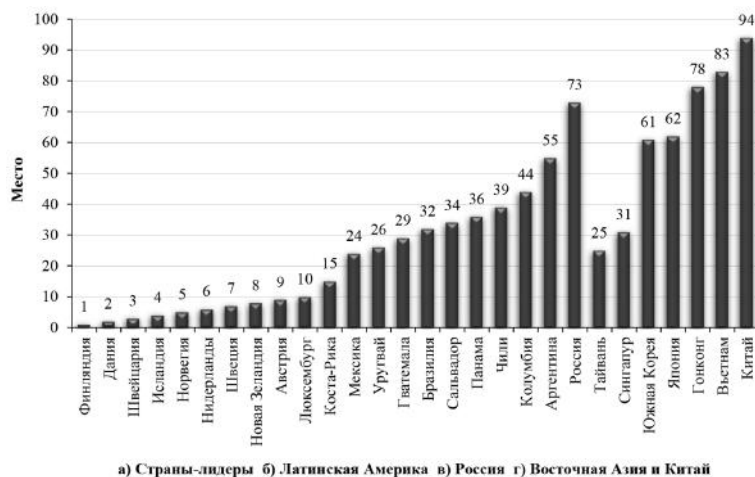

Рис. Группы стран по «Рейтингу счастья»

Источник: составлено автором по [Helliwell et al. 2020, p. 19–21].

⁸ К другим наиболее известным рейтингам относятся «Индекс лучшей жизни» (Better Life Index), который с 2011 г. рассчитывают для стран ОЭСР, а также Бразилии, России, ЮАР, и «Международный (Всемирный) индекс счастья» (Happy Planet Index), который предложил «Фонд новой экономики» в 2006 г. для отражения счастья людей с учетом состояния окружающей среды в разных странах мира.

⁹ Исследование проводилось в 153 странах мира, где респондентов просили оценить уровень удовлетворенности качеством жизни по шкале от 0 до 10.

Углубленные исследования межстрановых различий уровней субъективного благополучия свидетельствуют, что факторы, отражающие роль доминирующих в обществе ценностных ориентиров, имеют для них решающее значение.

Опубликованные в 2015 г. результаты эмпирического исследования ученых Д. Е. Ю-К. Онга и Ю. Ляна, «продемонстрировали, что, несмотря на то, что ВВП имеет существенную положительную корреляцию с субъективным благополучием, это объясняет лишь 3% вариативности показателя субъективного благополучия между странами, т.е. гораздо меньше, чем по переменным, характеризующим культуру» [Ye et al. 2015, p. 544]. Показатели субъективного благополучия авторы взяли из статьи Р. Инглхарта, Р. Фoa, К. Петерсона и К. Вельцеля [Inglehart et al. 2008]. В свою очередь, это были обобщенные данные Всемирного обзора ценностей о субъективном благополучии людей на основе оценок счастья (эмоциональная оценка) и общей удовлетворенности жизнью (когнитивное суждение). В качестве переменных, характеризующих культуру, использовались показатели, приведенные в «Проекте GLOBE»¹⁰, основанные на индексах пяти измерений культуры Г. Хофстеде (индивидуализм – коллективизм, дистанция власти, неприятие неопределенности, гендерное равенство, краткосрочная – долгосрочная ориентация на будущее) и четырех дополнительных измерениях (склонность к инновациям, групповой коллективизм, гуманность отношений между людьми, уверенность в себе).

Авторы исследования обнаружили, что из всех девяти измерений культуры наиболее значимый и устойчивый вклад в межстрановые различия по показателю субъективного благополучия вносят индекс равенства полов и индекс дистанции власти. При этом индекс равенства полов, отражающий степень минимизации роли гендерного различия в обществе, и показатель субъективного благополучия связаны положительно. Индекс дистанции власти, характеризующий степень согласия индивида с принятой в обществе иерархией, и показатель субъективного благополучия имеют отрицательную зависимость.

Вывод согласуется с новой теорией модернизации Инглхарта, связывающей переход от индустриальной экономики к экономике знаний с масштабными изменениями ценностных ориентиров, которые сдвигаются от ценностей выживания к ценностям самовыражения. «Люди, для которых важны ценности выживания, значительно менее удовлетворены жизнью и менее счастливы, чем те, для кого ключевыми становятся ценности самовыражения. Этот важный результат указывает на то, что одни системы ценностей больше способствуют счастью, чем другие. Пока общество находится на грани выживания, его культура ориентирована на обеспечение физического выживания населения. Но когда выживание обеспечено, культура общества начинает адаптироваться, чтобы максимизировать субъективное благополучие его членов. Ценности самовыражения способствуют чувству субъективного благополучия, поскольку они освобождают людей от традиционных ограничений, которые более не играют критически важных ролей в обеспечении выживания, а это открывает новые возможности для свободного жизненного выбора» [Инглхарт 2018, с. 66]. К главным ценностям самовыражения относятся доверие, толерантность и индивидуальная свобода.

Однако, несмотря на глобальность сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения¹¹, он происходит неравномерно вследствие сопротивления со стороны культурных традиций. «Системы верований удивительно долговечны и прочны. Хотя ценности и изменяются, они продолжают отражать историческое наследие общества. Таким образом, структурные изменения подвержены «эффекту колеи» [Инглхарт 2018, с. 71].

¹⁰ «Проект GLOBE» – исследование, основанное на проведенном в 1990-х гг. опросе менеджеров из 62 стран мира по вопросам о ценностях культуры и лидерских качествах.

¹¹ Согласно результатам исследования Инглхарта, с 1981 по 2014 г. счастье возросло в 84%, а удовлетворенность жизнью – в 65% стран мира, однако вклад экономического роста в эти результаты намного слабее по сравнению с ролью ценностей самовыражения [Инглхарт 2018, с. 215].

Понимание счастья и мотивация его достижения в странах с индивидуалистской (европейско-американской) и коллективистской культурой различны. Индивидуалистская культура полнее включает главные ценности самовыражения. Население стран, принадлежащих, согласно классификации Инглхарта, к европейско-протестантской, европейско-католической и англоязычной культурным зонам, счастливее по сравнению с жителями стран конфуцианской, южноазиатской, восточноевропейской/православной культурных зон [Инглхарт 2018, с. 75].

По оценке межличностного доверия¹² и доверия к общественным институтам¹³ в Европе в 2017 г. страны-лидеры входят и в первую десятку стран по «Рейтингу счастья» (Дания, Финляндия, Швеция, а также Исландия, Нидерланды, Норвегия) [OECD 2017, р. 161–162].

Наряду с нормами кооперации и сотрудничества доверие – один из компонентов социального капитала и играет важную роль в экономической жизни [Knack, Keefer 1997]. Принято различать два типа доверия: «объединяющее» (бондинговое) – между индивидами, принадлежащими к какой-либо группе, и «преодолевающее» (бриджинговое) – между представителями различных групп. Доверие стимулирует экономическое развитие, поскольку благодаря ему заключается больше сделок и эффективнее работает общественный сектор. Чем выше доверие, тем ниже дистанция власти и выше субъективная удовлетворенность жизнью.

Толерантность также положительно влияет на субъективную удовлетворенность жизнью. «Поддержка гендерного равенства и терпимости к аут-группам сильно связана со счастьем не просто потому, что толерантные люди счастливее, но и потому, что толерантное общество делает жизнь менее напряженной для всех» [Инглхарт 2018, с. 204].

Однако наиболее важная ценность самовыражения – индивидуальная свобода. В индивидуалистской культуре люди придают особое значение личной свободе выбора, индивидуальным достижениям и стремятся к персональным позитивным эмоциям. Таким образом устанавливается прямая взаимосвязь между, с одной стороны, свободно предпринимаемыми индивидуальными усилиями, приводящими к личным достижениям, а с другой – субъективным благополучием.

Из выводов Инглхарта следует, что жители стран с коллективистской культурой менее счастливы, поскольку демонстрируют средний (Юго-Восточная Азия, Китай) и низкий (Восточная Европа, Россия) уровень «преодолевающего» доверия и придают относительно большее значение взаимоотношениям внутри групп, включая отношения в семье, с коллегами и соседями. Общественное мнение в большинстве этих стран «остаётся в решительной оппозиции к гендерному равенству и толерантному отношению к гомосексуальности» [Инглхарт 2018, с. 48]. Коллективизм предполагает подчинение целям группы и принятым в ней нормам поведения. Высокие оценки членов группы за должное выполнение индивидом его социальных обязанностей сильнее влияют на индивидуальное ощущение счастья, чем личное удовлетворение от достигнутых результатов.

Доминирование специфических этических норм коллективизма объясняет, в частности, такое явление, как «восточноазиатский дефицит счастья»¹⁴ [Ng 2002]. Оно проявляется в том, что в быстро развивающихся в экономическом отношении странах Восточной Азии и Китае «Рейтинг счастья» невысок (см. рис. г).

Л. Лю, Р. Гилмор и С-Ф. Као в 2001 г. опубликовали результаты сравнительного анализа роли ценностей в определении счастья с точки зрения восточной (конфуцианской)

¹² Респонденты оценивают уровень доверия по шкале от 0 до 10, отвечая на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?».

¹³ Респонденты оценивают уровень доверия к полиции, политической системе и правовой системе по шкале от 0 («Совсем не доверяю») до 10 («Полностью доверяю»).

¹⁴ «East-Asian happiness gap» (англ.).

и западной (протестантской) культур¹⁵. Были проанализированы следующие ценности: 1. Социальная интеграция (сыновний долг – послушание перед родителями, уважение родителей, гордость предками, финансовая поддержка родителей); 2. Добросердечность (доброта – умение прощать и сострадать); 3. Трудовой динамизм (рост и развитие); 4. Моральная дисциплина (бескорыстие и целомудрие). Авторы исследования, во-первых, обнаружили большую значимость культурных ценностей для счастья в восточной культуре по сравнению с западной. Во-вторых, моральная дисциплина оказалась не значимой для счастья в западной культуре. Социальная интеграция, добросердечность и трудовой динамизм – значимы для обеих культур. В-третьих, социальная интеграция и добросердечность оказались более существенны для счастья в восточной культуре, а значимость трудового динамизма идентична для обеих культур [Lu et al. 2001].

Полученные выводы лишь подтверждают прочность основ философско-этического учения Конфуция в восточной культуре, где коллективное благополучие (семьи, клана, страны или даже всего человечества) ставится выше индивидуального: «В обращении с отцом или матерью проявляй мягкость и учтивость. Если видишь, что твои желания им неуютны, все равно проявляй почтительность — не противься их воле. И пускай ты устанешь — не смей роптать» [Конфуций 2004, с. 171]. Принята иерархическая структура общества, покорность власти, приверженность солидарности и нормам коллектива: «Когда действуют исходя лишь из личной выгоды, то вызывают сильную ненависть» [Конфуций 2004, с. 170]. В характере ценятся аскетизм, спокойствие, скромность, самоконтроль: «Благородный муж ни в чем не соперничает. И если необходимо, то только в стрельбе из лука!» [Конфуций 2004, с. 165].

Таким образом, различия между обществами, обусловленные приверженностью к этическим ценностям индивидуализма/коллективизма, приводят и к различиям в уровнях субъективного благополучия.

Этические установки россиян в контексте экономики счастья

В контексте экономики счастья этические установки россиян как жителей самой большой страны, пережившей в конце XX в. крупнейшую экономическую трансформацию, представляют особый интерес.

Одно из новейших исследований «парадокса Истерлина» выполнили А. Ларин и С. Филясов на основе использования панельных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Подтверждено, что долгосрочная связь между реальным эквивалентным доходом и удовлетворенностью материальным положением россиян отсутствует. Однако «наблюдаемая схожесть в динамике реального эквивалентного дохода и удовлетворенности материальным положением помимо краткосрочной связи также может объясняться общими экономико-социальными шоками, которые имели место в 90-х годах XX в.» [Ларин, Филясов 2018, с. 73]. После масштабного трансформационного спада субъективное благополучие людей восстанавливалось на долгосрочном уровне под влиянием «эффекта адаптации», а действие «эффекта сравнения» оказалось статистически незначимым.

Индекс счастья россиян ВЦИОМ рассчитал на основании ответов на вопрос: «В жизни бывает всякое – и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, вы счастливы или нет?». Даже в период пандемии COVID-19 после некоторых спадов он восстанавливался, приближаясь к своим максимальным отметкам за всю историю измерений. Основные факторы счастья по процентным долям отметивших их респондентов в ноябре 2020 г.

¹⁵ В исследовании участвовали 439 студентов из Тайваня (преимущественно китайцы этнической группы «хань») и 344 студента из Великобритании (только представители англосаксонского этноса) [Lu et al. 2001].

на фоне роста заболеваемости коронавирусом распределились следующим образом: есть семья, благополучие в семье – 34%, хорошее здоровье (свое и близких) – 24%, наличие хорошей работы – 20%, есть дети – 18%, хорошее материальное положение и в целом удовлетворены жизнью – 10%. Однако главной причиной неудовлетворенности жизнью россияне считали материальные трудности [ВЦИОМ].

Таким образом, результаты тестирования «парадокса Истерлина» и мониторинга, по данным ВЦИОМ, отражают, во-первых, высокую роль коллективистских культурных ценностей в России. Во-вторых, этические принципы, которых придерживаются счастливые соотечественники: хорошие отношения в семье, бережное отношение к здоровью, забота о детях. Что касается «хорошей работы», то большинство вкладывает в это понятие трудовые ценности, подразделяемые на внешние (доход, условия и безопасность труда) и внутренние (интерес, самостоятельность, креативность, признание, самореализация).

Насколько значимые для счастья россиян ценности соответствуют мировому тренду?

Согласно эволюционной теории модернизации Инглхарта, в наиболее счастливых странах мира на рубеже XX и XXI вв. происходит переход не только от ценностей выживания к ценностям самовыражения, но и от традиционных ценностей к секулярно-рациональным. Россия, занимающая в «Рейтинге счастья» 2017–2019 гг. 73 место (см. рис. в), – страна с довольно высоким уровнем секулярно-рациональных ценностей. Однако роль традиционных ценностей в жизни россиян в процессе системных экономических трансформаций возросла. Свидетельство тому, в частности, серьезное усиление религиозности населения на фоне сохраняющейся нетерпимости к аут-группам и низкого уровня «преодолевающего» доверия. «Жители России постепенно начинают отдавать приоритет ценностям самовыражения, а не ценностям выживания, но традиционные ценности продолжают заполнять ту идеологическую пустоту, которая возникла в результате разрушения системы ценностей, сложившейся при коммунизме» [Инглхарт 2018, с. 92].

«В поисках счастья» происходит усиление религиозности. Об этом свидетельствуют результаты сравнения положения в «Рейтинге счастья» России и стран Латинской Америки, которые, несмотря на сопоставимые с Россией и даже более низкие уровни доходов, занимают в нем более высокие позиции (см. рис. б). Эти страны не теряли своей религиозности, и поскольку «религия обеспечивает людей чувством защищенности и уверенности в завтрашнем дне, особенно в условиях низкой экономической безопасности» [Инглхарт 2018, с. 212], сохраняют высокий уровень удовлетворенности жизнью.

Тем не менее важность для счастья россиян главного компонента ценностей самовыражения – свободы выбора – подтверждает, в частности, соответствующая общемировому тренду ситуация на рынке труда. Самые счастливые здесь — высокообразованные самозанятые, имеющие высокую квалификацию, современные знания и навыки люди. Они извлекают преимущества из цифровизации экономики, владеют собственным делом, выполняют работы на заказ или оказывают частные услуги (специалисты в области информационных технологий, адвокаты, переводчики, репетиторы и др.). Они ни от кого не зависят и уверены, что на результаты их труда будет устойчивый спрос [Shevchuk, Strebkov 2012, p. 41].

Подобные результаты наблюдений отнюдь не следует воспринимать как призыв к переходу из фирменного офиса к надомной самозанятости. Они лишь подчеркивают широкий смысл: сохраняя рациональность и придерживаясь ценностей самовыражения, можно воплощать свои экономические интересы и быть счастливым в России.

* * *

Научные исследования в области экономики счастья имеют многоплановый контекст, который расширяется с помощью взгляда на проблематику субъективного благополучия с точки зрения этики как практической философии.

Гедонизм экономики счастья предполагает, что стремление к счастью через богатство как средство достижения удовольствий и защиты от страданий не имеет смысла в долгосрочной перспективе. Вместе с тем его важность в определенных пределах возрастает на коротких временных интервалах, когда человек испытывает на себе воздействие колебаний деловой активности.

Эвдемонистическое толкование счастья обозначает ценности, которых следует придерживаться человеку в экономической сфере его жизни. Чтобы быть счастливым, необходимы: умеренность, щедрость, самодостаточность, трудолюбие, креативность, ответственность. Семейные традиции, спорт, хобби, культурные мероприятия, друзья, сообщество, благотворительность, волонтерство – эти и другие направления активности повышают субъективную удовлетворенность жизнью в период досуга.

Этические представления о счастье в разных странах тесно связаны с культурными традициями, проникающими и в экономическую сферу жизни. Глобальный тренд от ценностей выживания к ценностям самовыражения, преимущество индивидуалистской культуры в достижении счастливой жизни людей, становятся вызовом для представителей коллективистской культуры. Тем не менее такие важнейшие для счастья ценности самовыражения, как доверие, толерантность и индивидуальная свобода постепенно расширяют пространство своего влияния на Земном шаре.

Движение в глобальном тренде характерно и для России, где по мере укрепления экономического роста и прогресса цифровизации ценности выживания будут уступать место ценностям самовыражения. Несомненно, что этот процесс заслуживает всесторонней поддержки, ибо делает людей счастливее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина О.Н. (2012) Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. №2. С. 94–107.
- Антипина О.Н. (2017) Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. №7. С. 35–44.
- Аристотель (2005) Евдемова этика. М.: ИФ РАН.
- ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения (<http://www.wciom.ru>).
- Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН.
- Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. (2000) Этика: Учебник. М.: Гардарики.
- Ильин А.Н. (2012) Концепт безудержного потребления (структурный анализ) // Общественные науки и современность. №2. С. 161–169.
- Инглхарт Р. (2018) Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.
- Конфуций (2004) Лунь Юй // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. С. 149–236.
- Ларин А.В., Филисов С.В. (2018) Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал ВШЭ. Т.22. №1. С. 59–83.
- Родионова Л.А. (2014) Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т.14. №2. Ч.2. С. 386–393.
- Талер Р., Санстейн К. (2018) Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Хашченко В.А. (2011) Субъективная шкала благосостояния и субъективное экономическое благополучие // Психологический журнал. Т. 32. №3. С. 27–42.
- Юревич А.В. (2020) От избыточного потребления к «избыточному потребителю» // Психологический журнал. Т. 41. №3. С. 104–112.

REFERENCES

- Antipina O.N. (2012) Jekonomicheskaja teorija schast'ja kak napravlenie nauchnyh issledovanij [Economics of Happiness as an Academic Research Discipline]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 94–107.
- Antipina O.N. (2017) Jekonomika, kul'tura i schast'e: est' li vzaimosvjaz'? [Economy, Culture and Happiness: Is There Interconnection?]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 61, no. 7, pp. 35–44.
- Aristotle (2005) *Evdemova jetika* [Eudemean Ethics]. Moscow: Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences.
- Brickman P., Campbell D.T. (1971) *Hedonic Relativism and Planning the Good Society*. Appley M.H. (Ed.) *Adaptation-Level Theory: A Symposium*. New York: Academic Press, pp. 287–302.
- Confucius (2004) *Lun' Juj. Konfucianskoe «Chetveroknizhie» («Sy shu»)* [Lun Yu. Confucianism «Four Books» («Sishu»)]. Moscow: Vostochnaja literatura, pp. 149–236.
- Crescenzi T. (2012) *Beyond the Keynesian Endpoint: Crushed by Credit and Deceived by Debt – How to Revive the Global Economy*. New Jersey: Pearson.
- Diener E., Lucas R.E., Scollon C.N. (2006) Beyond the Hedonic Treadmill: Revising the Adaptation Theory of Well-Being. *American Psychologist*, vol. 61, no. 4, pp. 305–314.
- Diener E., Tay L., Oishi S. (2013) Rising Income and the Subjective Well-Being of Nations. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 104, no. 2, pp. 267–276.
- Duesenberry J.S. (1949) *Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press.
- Easterlin R.A. (1974) *Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence*. David P.A., Reder M.W. (Eds.) *Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York: Academic Press, pp. 89–125.
- Easterlin R.A. (2013) Happiness and Economic Growth: The Evidence. *IZA Discussion Paper*, no. 7187.
- Easterlin R.A. (2016) Paradox Lost? *IZA Discussion Paper*, no. 9676.
- Easterlin R.A., O'Connor K.J. (2020) The Easterlin Paradox. *IZA Discussion Paper*, no. 13923.
- Friedman M. (1957) *A Theory of the Consumption Function*. New Jersey: Princeton.
- Goffe N.V., Monusova G.A. (2020) *Vosprijatie social'nyh realij i sub'ektivnoe blagopoluchie v razvityh stranah* [Perception of Social Reality and Subjective Well-Being in Developed Countries]. Moscow: IMEMO.
- Guseynov A.A., Apresyan R.G. (2000) *Jetika: Uchebnik* [Ethics: Text-Book]. Moscow: Gardariki.
- Haschenko V.A. (2011) Sub'ektivnaja shkala blagosostojanija i sub'ektivnoe jekonomicheskoe blagopoluchie [Subjective Welfare Scale and Subjective Economic Well-Being]. *Psychological Journal*, vol. 32, no. 3, pp. 27–42.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., De Neve J.-E. (Eds.) (2020) *World Happiness Report*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Il'in A.N. (2012) Koncept bezudernogo potreblenija (strukturnyj analiz) [The concept of rampant consumption (structural analysis)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 161–169.
- Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. (2008) Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*, vol. 3, no. 4, pp. 264–285.
- Inglehart R.F. (2018) *Kul'turnaja jevoljucija: kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World]. Moscow: Mysl'.
- Kahneman D., Deaton A. (2010) High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 107, no. 38, pp. 16489–16493.
- Knack S., Keefer P. (1997) Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 112, no. 4, pp. 1251–1288.
- Larin A.V., Filiasov S.V. (2018) Paradoks Isterlina i adaptacija v Rossii [Adaptation and the Easterlin Paradox in Russia]. *HSE Economic Journal*, vol. 22, no. 1, pp. 59–83.
- Lu L., Gilmour R., Kao S.-F. (2001) Cultural Values and Happiness: An East–West Dialogue. *The Journal of Social Psychology*, vol. 141, no. 4, pp. 477–493.
- Ng Y.-K. (2002) The East-Asian Happiness Gap: Speculating on Causes and Implications. *Pacific Economic Review*, vol. 7, no. 1, pp. 51–63.

- OECD (2017) *OECD Guidelines on Measuring Trust*. Paris: OECD Publishing.
- Oswald A.J., Powdthavee N. (2008) Does Happiness Adapt? A Longitudinal Study of Disability with Implications for Economists and Judges. *Journal of Public Economics*, vol. 92, no. 5–6, pp. 1061–1077.
- Oswald A.J., Proto E., Sgroi D. (2015) Happiness and Productivity. *Journal of Labor Economics*, vol. 33, no. 4, pp. 789–822.
- Rodionova L.A. (2014) Paradoks Isterlina v Rossii [Easterlin Paradox in Russia]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, vol. 14, no. 2, part 2, pp. 386–393.
- Shevchuk A., Strebkov D. (2012) Freelancers in Russia: Remote Work Patterns and E-Markets. *Economic Sociology—the European Electronic Newsletter*, vol. 13, no. 2, pp. 37–45.
- Stevenson B., Wolfers J. (2008) Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox. *IZA Discussion Paper*, no. 3654.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2018) *Nudge. Arhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostojanii i schast'e* [Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness]. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- VCIOM [Russian Public Opinion Research Center] (<http://www.wciom.ru>).
- Veenhoven R., Vergunst F. (2014) The Easterlin Illusion: Economic Growth Does Go with Greater Happiness. *International Journal of Happiness and Development*, vol. 1, no. 4, pp. 311–343.
- Ye D., Ng Y.-K., Lian Y. (2015) Culture and Happiness. *Social Indicators Research*, vol. 123, iss. 2, pp. 519–547.
- Yurevich A.V. (2020) Ot izbytochnogo potrebleniya k «izbytochnomu potrebitelju» [From Excessive Consumption to Being an «Excessive Consumer»]. *Psychological Journal*, vol. 41, no. 3, pp. 104–112.